

79-5

4478-2

α

**МАРКСИСТСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
В XIX ВЕКЕ**

КНИГА ВТОРАЯ

**РАЗВИТИЕ
МАРКСИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1979

В данной книге дается анализ развития диалектического и исторического материализма в трудах Маркса и Энгельса 70-х — начала 90-х годов XIX века; раскрывается обобщение Марксом и Энгельсом опыта Парижской коммуны 1871 г., показывается развитие марксистской философии на базе обобщения новейших данных общественных и естественных наук и опыта классовой борьбы; исследуется процесс распространения марксистской философии в странах Западной Европы и России в конце XIX века.

Редакционная коллегия:

доктор философских наук И. С. НАРСКИЙ,
доктор философских наук Б. В. БОГДАНОВ
(ответственные редакторы);
член-корреспондент АН СССР М. Т. ИОВЧУК

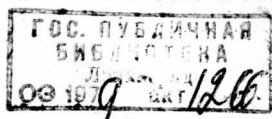
Авторский коллектив:

Член-корр. АН СССР Б. А. ЧАГИН — гл. 11, гл. 15 (§ 1);
канд. филос. наук В. В. АГУДОВ — гл. 12;
доктор филос. наук И. Л. АНДРЕЕВ — гл. 12 (подраздел § 3), гл. 14 (§ 1—2),
гл. 17 (подраздел § 1);
доктор филос. наук В. С. ГОТТ, канд. филос. наук К. Х. ДЕЛОКАРОВ —
гл. 13 (§ 1—4);
доктор филос. наук Г. И. РУЗАВИН — гл. 13 (§ 5);
доктор филос. наук В. И. СТОЛЯРОВ — гл. 14 (§ 3);
доктор филолог. наук Г. М. ФРИДЛЕНДЕР — гл. 14 (§4);
канд. филос. наук Л. Г. ГОРШКОВА — гл. 15 (§ 2);
доктор филос. наук Й. ЭЛЕЗ — гл. 16 (§ 1);
доктор филос. наук С. М. БРАЙОВИЧ — гл. 16 (введение и § 2),
заключительная глава (соавтор);
канд. филос. наук А. П. ПЕТРАШИК — гл. 16 (§ 3);
доктор филос. наук Х. Н. МОМДЖЯН — гл. 16 (§ 4);
канд. филос. наук М. Н. ГРЕЦКИЙ — гл. 16 (§ 5);
проф. А. ВЕКОВ (НРБ), канд. филос. наук С. СЛАВОВ (НРБ) — гл. 16 (§ 6);
доктор филос. наук А. И. ВОЛОДИН,
канд. филос. наук В. Ф. ПУСТАРНАКОВ — гл. 17 (§ 1);
член-корр. АН СССР М. Т. ИОВЧУК,
канд. ист. наук И. Н. КУРБАТОВА — гл. 17 (§ 2);
канд. филос. наук Г. Л. БЕЛКИНА,
канд. филос. наук Е. А. САМАРСКАЯ — заключительная глава (соавторы);
Л. В. ШУМИЛОВА — библиография

79-46353

© Издательство «Наука», 1979 г.

М 10501—157
042 (02)—79 194—78 0302020000



лых аграрных структурах. В этом смысле методологическое значение идей, высказанных Марксом в набросках ответа на письмо Засулич, далеко перерастает рамки времени их написания, а также проблематики России и русской общины, которым они непосредственно посвящены.

Подводя итоги изложенному выше, можно сказать, что распространение философских и социологических идей Маркса и Энгельса в России 40-х — начале 80-х годов, еще до появления подлинных марксистов, приводит к тому, что эти идеи начинают реально вплетаться в отечественный философский процесс, взрыхляя тем самым почву для будущего распространения диалектического и исторического материализма как самостоятельного марксистского направления в отечественной философии.

Марксизм победил в России в результате длительного, полувекового процесса идейных поисков и борьбы, связанных с многочисленными испытаниями в теории и на практике, проверками и разочарованиями, сопоставлениями русского и европейского опыта, что не могло не дать в конечном счете благотворных результатов.

Ленинизм как новый этап в развитии марксизма вполне закономерно возник в России, когда марксизм уже ряд лет существовал здесь в качестве самостоятельного течения общественной мысли и составной части освободительного движения. Ленинизм возник на прочной базе теории Маркса и Энгельса, проверенной как всемирным опытом XIX столетия, так и богатейшим опытом исканий правильной теории в революционной мысли России.

Поэтому все попытки современных буржуазных противников и ревизионистских фальсификаторов ленинизма объявить его «чисто русским» явлением посредством «привязывания» его теоретических источников к сугубо «русским корням» несостоятельны. Они опровергаются уже простым сопоставлением этих псевдонаучных концепций с тем фактом, что передовая общественная мысль России еще до победы в ней марксизма, до возникновения ленинизма уже представляла собой составную часть общеевропейской социально-философской мысли и была явлением не узко региональным, а также тем обстоятельством, что русские мыслители XIX в. (пусть в разное время и в разной степени) обратили свой взор на идеи философии и социологии марксизма и по ряду вопросов испытали на себе их воздействие.

2. Г. В. ПЛЕХАНОВ И ЕГО ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ В ПЕРИОД 1883—1895 ГГ.

Качественно новый период в истории социально-философской мысли в России, как и в российском освободительном движении, начался в 80-х годах, точнее в 1882—1883 гг. В это время на



Г. В. ПЛЕХАНОВ

путь марксизма переходит группа видных русских революционеров-народников во главе с Г. В. Плехановым, которая создает в 1883 г. в Женеве первую российскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда».

Русская революционная мысль, в течение полувека страстно искавшая правильную революционную теорию, вышла на верный, научный путь в результате изучения Плехановым и его единомышленниками произведений Маркса и Энгельса и прежде всего их «Манифеста Коммунистической партии», перевода основополагающих работ марксизма на русский язык и распространения их среди передовых рабочих и интеллигентов России.

Путь от народничества к марксизму был нелегким. В. И. Ленин писал в 1920 г.: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмиграции революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [3, т. 44, с. 8].

Долгое время, по словам Плеханова, «философско-историческая часть учения Маркса осталась для них (народников.— Авт.) непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние самой пропаганды, чтобы искать для нее опоры в объективных условиях общественной жизни» [39, т. II, с. 39]. Ознакомление Плеханова и его соратников с рабочим движением Западной Европы в период вынужденной эмиграции и пробуждение у них глубокого интереса к движению, тогда еще стихийному, рабочего класса России сыграло решающую роль в их переходе на путь марксизма.

Из нескольких тысяч революционеров-народников в начале 80-х годов нашлась лишь небольшая группа — всего пять человек, которые признали учение Маркса научной идеологией.

Плеханов был организатором и идейным руководителем этой группы, проложившей путь марксизму в России и сделавшей шаг навстречу рабочему движению. В состав группы входили также В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов.

Начало революционной деятельности Плеханова. Переход к марксизму. Георгий Валентинович Плеханов, ставший пионером марксизма в России, родился 11 декабря 1856 г. в с. Гудаловке Липецкого уезда Тамбовской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Мать Плеханова была внучатой племянницей В. Г. Белинского.

После окончания гимназии, не проучившись и четырех месяцев в Константиновском артиллерийском училище, Плеханов подал прошение об отставке и поступил в Петербургский горный институт, где учился менее двух лет. С конца 1876 г., став профессиональным революционером-народником, он вынужден был оставить учебу.

С революционерами-народниками Плеханов познакомился в 1875 г. Вскоре он стал им активно помогать, выполняя отдельные поручения, давая приют нелегальным, проводя занятия с рабочими. К этому времени относятся начало изучения Плехановым экономического учения марксизма по «Капиталу» в кружке И. Ф. Фесенко, близкое знакомство с нитерскими пролетариями, революционерами-народниками С. Халтуриним и П. Моисеенко.

6 декабря 1876 г. Плеханов по поручению революционной организации «Земля и воля» выступил с речью на первой в России политической демонстрации у Казанского собора, после чего перешел на нелегальное положение.

Три с лишним года вел Плеханов в столице России жизнь нелегального революционера, занимался революционной народнической пропагандой среди рабочих и прогрессивной интеллигенции. Он считался среди народников одним из теоретиков революционного движения и специалистом по пропаганде среди рабочих.

В своих статьях, которые печатались в нелегальном журнале «Земля и воля» и в легальных «Начало» и «Русское богатство» (под псевдонимами), Плеханов обращал особое внимание на положение рабочих в царской России, его живо волновали судьбы российского пролетариата. Но, как народник, он рассматривал рабочих главным образом в качестве вспомогательного элемента в будущей революции. «Не представляя западноевропейской оторванности от земледельческого класса, наши городские рабочие,— писал он,— одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому, они явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота» [39, т. I, с. 69—70]. В этот период Плеханов продолжал еще защищать утопическую народническую

доктрину, по которой Россия может миновать путь капиталистического развития благодаря крестьянской общине и сразу после крестьянской революции придет к социализму.

Уже в конце 70-х годов Плеханов выделялся среди единомышленников-народников своей эрудицией. Он хорошо знал произведения революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского. Последнего он особенно ценил. Позже Плеханов отмечал: «Мое собственное умственное развитие совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни...» [39, т. VI, с. 382]. Определенное влияние на формирование взглядов Плеханова оказали идеи Бакунина и Лаврова. Последнему Плеханов писал в 1881 г., в домарксистский период: «С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях» [38, с. 86].

После съезда народнической организации «Земля и воля» в Воронеже в 1879 г. среди народников произошел раскол. Часть их, видевшая путь завоевания политической свободы в организации серии покушений на высших чиновников вплоть до убийства царя, объединилась в организацию «Народная воля». Другая часть во главе с Плехановым, считавшая необходимым продолжать революционную пропаганду в народе для подготовки его к политической борьбе и отрицавшая необходимость индивидуального террора, образовала организацию «Черный передел», так как ее основным требованием был передел всей земли между крестьянами.

В январе 1880 г. из-за преследований полиции Плеханову и его единомышленникам пришлось эмигрировать. Они отправились в Швейцарию, где уже находились многие политические изгнанники. Плеханов предполагал, что его эмиграция будет кратковременной, но обстоятельства сложились так, что он вернулся на родину только через 37 лет — после Февральской революции 1917 г.

За границей вокруг Плеханова объединились его единомышленники — Засулич, Аксельрод, Дейч, Игнатов, которые тоже имели значительный опыт нелегальной революционной деятельности в России и входили в организацию «Черный передел».

Под влиянием изучения произведений Маркса и Энгельса, ранее им недоступных, в результате знакомства с рабочим движением стран Западной Европы, ставшим на путь научного социализма, и осмысления процессов рабочего движения в России, которое сопровождалось «переоценкой» своего былого революционно-народнического опыта, эта группа революционеров пересмотрела свои прежние взгляды.

Плеханов и его единомышленники из «Черного передела» шли по пути к марксизму почти три года (1880—1882). В начале

этого переходного периода Маркс, который с большим интересом следил за деятельностью русских революционеров, относился к народнической группе «Черного передела» отрицательно. Недооценка ими роли политической борьбы вызывала справедливую критику Маркса. В письме к Ф. Зорге от 5 ноября 1880 г. он писал: «Эти господа против всякой революционно-политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством, так называемые принципы которого вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина» [1, т. 34, с. 380].

Но вскоре Маркс вступает в дружественные контакты с чернопередельцами. Возможно, на изменение отношения к ним повлияла информация об эволюции их взглядов, а также письмо Засулич к Марксу, где каждая строчка пронизана глубоким уважением к нему и верой в будущую революцию в России. В марте 1881 г. Маркс пишет несколько вариантов ответа Засулич. В это же время для завоевания общественного мнения против самодержавия он соглашается участвовать в издании на английском языке газеты «Нигилист», главным редактором которой должна была стать Засулич, а одним из сотрудников — Плеханов. Но это издание не осуществилось.

Переломным моментом в деятельности Плеханова стала работа над переводом на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Приступил он к этой работе в конце 1881 г. К тому времени Плеханов пришел к выводу, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития [33, сб. VIII, ч. 1, с. 210]. Глубокое и тщательное изучение «квинтэссенции марксизма» — «Манифеста Коммунистической партии» — привело Плеханова, а вслед за ним и группу его единомышленников к отказу от народнической идеологии. Он вспоминал об этом времени: «Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест», — сказал он, — но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест»» [там же, с. 17].

По просьбе Плеханова, переданной Лавровым, авторы «Манифеста» написали предисловие к его русскому изданию. В нем были такие пророческие слова: «...Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» [1, т. 19, с. 305]. В предисловии от переводчика Плеханов дал яркое определение исторического места и значения марксизма в истории идей: «Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных

отношений труда к капиталу и, чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма» [33, сб. VIII, ч. 1, с. 23].

Для Плеханова перевод и издание «Манифеста» знаменовало переход на позиции марксизма. Через много лет он сам определил хронологические рамки этого процесса: «Я стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г.» [там же, с. 22].

Подводя итоги пути, проделанного к марксизму, Плеханов сделал вывод, что «теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян. Самое *развитие русского капитализма*, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобрело теперь для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания» [там же, с. 17—18].

Под влиянием Плеханова проделали тот же путь и его единомышленники. В сентябре 1883 г. они одобрили написанное Плехановым заявление «Об издании „Библиотеки современного социализма“», в котором провозглашали разрыв с народническими идеями и организациями и создание социал-демократической группы «Освобождение труда». Задачи этой группы определялись в этом документе так: «1) Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки. 2) Критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма* и интересов трудящегося населения России» [33, ст. VIII, с. 29].

Марксизм как теоретическая основа решения коренных социальных проблем России. Созданная в Женеве группа «Освобождение труда» была первой российской марксистской организацией, которую В. И. Ленин считал «и основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей» идей научного социализма в России [3, т. 4, с. 180]. Он отмечал, что «русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)» [3, т. 17, с. 405].

Важным делом группы «Освобождение труда» явился уже в 80-х годах перевод на русский язык ряда произведений основоположников научного коммунизма: кроме «Манифеста Коммунистической партии» группой были переведены и изданы в эти годы произведения Маркса «Нищета философии», «Наемный труд и капитал», работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и ряд других.

Наряду с распространением в революционной среде России, в том числе среди передовых рабочих, произведений Маркса и Энгельса на русском языке, группа «Освобождение труда» приступила с позиций научного социализма к разработке важнейших вопросов общественной жизни России и критике господствовавших тогда в российском революционном движении ненаучных теорий, особенно идеологии народничества.

Одним из первых шагов группы «Освобождение труда» в этом направлении было издание написанной летом 1883 г. работы Плеханова «Социализм и политическая борьба». Эта первая марксистская работа Плеханова вошла в сокровищницу русской марксистской мысли. Ленин назвал ее «первым *profession de foi* (исповеданием веры.— *Ред.*) русского социал-демократизма...» [3, т. 4, с. 311]. Это произведение нанесло серьезный удар по идеологии народничества и тем способствовало расчистке пути для распространения идей научного социализма в России.

В книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов раскрывает принципиальную разницу между социализмом мелкобуржуазным, утопическим и социализмом научным — марксизмом. Главная идея книги заключалась в том, что Плеханов доказывал применимость марксизма к России, общность объективных законов социального развития для различных стран мира, в том числе и России. «Общие философско-исторические взгляды Маркса,— писал он,— имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности» [37, т. I, с. 72]. Важнейший вывод этой работы состоял в том, что в России развивается капитализм и что «русские социалисты... могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс» [там же, с. 108]. Плеханов подчеркивал, что покончить с самодержавием и эксплуатацией народа могут только «промышленные рабочие, обладающие большим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство» [там же, с. 111].

Критикуя народническую утопическую идеологию, Плеханов применял марксистскую диалектику к процессу общественного развития послереформенной России, раскрывая в этом процессе качественно различные этапы созревания и осуществления революции. Он ясно показал, что в России произойдет сначала буржуазная революция, а затем уж социалистическая, что буржуазная революция и в России станет, говоря словами Маркса и Энгельса, непосредственным прологом революции рабочей, социалистической. «Связывать в одно два таких существенно различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция,— писал он в работе «Социализм и политическая борьба»,— вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего

отечества,— значит отдалять наступление и того и другого. Но от нас зависит сблизить эти два момента» [там же, с. 110].

Большой заслугой Плеханова было то, что на основе учения Маркса и Энгельса впервые в русской литературе он поставил в работе «Социализм и политическая борьба» вопрос о диктатуре пролетариата и ее задачах. Он писал о необходимости захвата государственной власти и установления диктатуры рабочего класса, «задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни» [там же, с. 101].

Начиная с первой своей марксистской работы «Социализм и политическая борьба», Плеханов в ряде своих произведений («Наши разногласия», «Анархизм и социализм» и др.) не только пропагандировал материалистическое понимание истории, доказывал несостоятельность идеалистических взглядов народников, анархистов на историю общества, но и разрабатывал ряд аспектов исторического материализма. На протяжении всего периода марксистской теоретической деятельности Плеханова его особое внимание привлекал вопрос о роли идей в жизни общества, в его революционном преобразовании. Развенчивая народнические утопические представления о том, что идеи и их носители — выдающиеся личности истории — будто бы играют главную, решающую роль в жизни общества, а также неверные обвинения в адрес марксизма в том, что якобы его учение о решающей роли способа материального производства в общественном развитии приводит к фатализму, бездеятельности и примирению с существующими порядками, Плеханов показывал активную роль общественного сознания. Он писал: «...без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства, революционны лишь постольку, поскольку они представляют собой наиболее прогрессивные общественные течения, а следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь некоторыми, но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно без ведома своих участников будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем...» [там же, с. 95].

Работа Плеханова «Социализм и политическая борьба» нанесла первый удар по идеологии народничества, второй удар последовал в книге «Наши разногласия» (1885), в центре рассмотре-

ния которой находилось социально-экономическое развитие пореформенной России. На основе конкретных данных Плеханов показал, что в России быстрыми темпами развивается капитализм и идет разложение крестьянской общины.

В работах «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и в других Плеханов подвергает критике субъективистскую, идеалистическую социологию народничества, пропагандирует и разрабатывает применительно к опыту революционного движения материалистическое понимание истории, проблемы диалектики общественного развития, дает марксистское толкование диалектики свободы и необходимости, раскрывает активную роль передовых личностей в освободительной борьбе трудящихся классов. Для русских марксистов, по Плеханову, сознательно творимое, «желательное вырастает из необходимого и ни в каком случае не заменяет его в наших рассуждениях. Для нас свобода личности заключена в знании законов природы — т. е., между прочим, и истории — и в умении *подчиняться* этим законам, т. е., между прочим, и *комбинировать их* наимыгоднейшим образом» [там же, с. 135—136].

Источником и теоретической основой для сознательной, свободной деятельности революционеров могут служить не отвлеченные, утопические идеалы и пожелания тех или иных деятелей, а глубокое, подлинно научное познание действительности, законов ее развития, умение найти в борьбе классов, в интересах передового класса прочный фундамент для революционных преобразований. «Мы убеждены, — писал Плеханов, — что, когда общество ступило на след естественного закона своего движения, оно не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их декретами. „Но оно может сократить и облегчить мучения родов“» [39, т. II, с. 113].

Критикуя народнические представления о марксизме как о некоей фаталистической концепции, которая будто бы «обязывает» Россию следовать капитализму, не считаясь с особенностями ее исторического развития (преобладание крестьянства, остатки сельской общины и т. д.), Плеханов раскрывает перед русскими революционерами подлинную, революционную сущность философии диалектического и исторического материализма, всей теории марксизма, которая учит выявлять реальные противоречия, борьбу нового против старого, отжившего в социальной действительности, находить в закономерностях и тенденциях общественного развития источники революционных изменений; они могут быть познаны передовыми идеологами, но не могут быть изменены ими, ибо сколько-нибудь существенное изменение общественной жизни может быть результатом деятельности масс, выражающей их интересы. Плеханов указывал социалистической молодежи, что марксизм — это алгебра революции, которая учит своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах рабочего класса.

Признание этих бесспорных фактов, объективно действующих законов общественного развития отнюдь не приводит настоящих русских революционеров к какому-либо пессимизму или примирению с новыми эксплуататорскими классами. «Нам нужно, — пишет Плеханов, — воспользоваться в интересах революции и трудящегося населения совершающимся в России социально-экономическим переворотом. Для нас не должно остаться потерянным то в высшей степени важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами и славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный, всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельно-вечевой эпохи» [37, т. I, с. 289].

Подлинными социалистами, ставшими на позиции научной теории Маркса и Энгельса, овладевшие их научно-философской методологией — диалектикой, убедились в «исторической закономерности» капитализма в России, в том, что «никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов» [там же, с. 304]. Отсюда они извлекают действительную пользу для дела рабочего класса, который и в России в послереформенную эпоху превращается в один из основных классов общества и сможет стать реальной, а затем и главной силой социального преобразования страны.

В 1889 г. группа «Освобождение труда» выпускает еще одну книгу Плеханова — «Новый защитник самодержавия, или Горе Тихомирова».

В этой книге Плеханов вскрывает корни предательства Тихомирова (бывшего землевольца и народовольца, который стал ренегатом и написал подлую книжку «Почему я перестал быть революционером») и вновь обрушивает град ударов на идеологию народничества, на ее метафизическую философию и социологию. И здесь Плеханов обращается к вопросам общественного развития XVIII—XIX вв., в том числе и в России. Он доказывает возможность и необходимость применения к его анализу категорий Марксовой диалектики — количественных и качественных изменений, перехода от постепенных изменений к скачкам, от эволюции к революции и т. д.

Плеханов пишет, что «Маркс не только не забывал об эволюции, но, напротив, открыл многие из важнейших ее законов. В его уме история человечества впервые сложилась в одну стройную нефантастическую картину. Он первый показал, что *экономическая эволюция ведет к политическим революциям*. Благодаря ему современное революционное движение получило ясно наметченную цель и строго выработанную теоретическую основу» [там же, с. 385].

На примере истории Франции и России Плеханов показывает, как наступает революция в экономическом развитии общества, во всех общественных отношениях. Плеханов подчеркивает последовательно марксистский вывод из своего анализа: «Количественные изменения, постепенно накапливаясь, переходят, наконец, в качественные. Эти переходы совершаются скачками и не могут совершаться иначе» [там же, с. 388].

Научно-материалистический подход к процессам исторического развития различных стран приводит Плеханова к убеждению, что история подготавливает важный переворот в передовых, т. е. капиталистических, странах, поскольку там уже обнаружилось резкое противоречие между общественным способом производства и индивидуальным присвоением продуктов, которое увеличивается по мере развития капитализма. Эта экономическая эволюция приведет к политической революции, которая изменит экономический строй. И эта революция произойдет при помощи насильственных средств, утверждает Плеханов, так как свергаемый класс — буржуазия — будет защищать свои права силой оружия [см. там же, с. 389—391].

Главным выводом книги Плеханова «Наши разногласия» и других его произведений явилась идея о необходимости создания партии рабочего класса: *«Возможно более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию»* [там же, с. 364].

Критика субъективистской социологии народничества в «Наших разногласиях» и пропаганда теории Маркса, его материалистического понимания истории Плехановым были положительно оценены Ф. Энгельсом. В ответе Засулич он писал: «Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны» [2, с. 513].

«Приложение» исторической теории Маркса и Энгельса к экономическим и политическим условиям России Плеханов дал не только в написанных им в 80-х годах произведениях, но и в составленных им и обсужденных с другими членами группы «Освобождение труда» проектах программы русских социал-демократов. Первый из них был написан в 1883 г., второй — в 1885 г. Уже

в этих проектах ярко проявились марксистские принципы пролетарского интернационализма, воплощенные в I Интернационале, которым следовал тогда Плеханов. Он писал в первом проекте: «Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ — именно *государства, как политической организации, противостоящей обществу и охраняющей главным образом интересы его господствующей части*. Точно так же и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ. Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей» [37, т. I, с. 372].

Во втором проекте более полно и всесторонне определяется экономическая, социальная и политическая сущность коммунистической (социалистической) революции и говорится о том, что «эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений. Заменяя современное господство продукта над производителем господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел» [там же, с. 377]. Плеханов и его группа считали «первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии», первой политической задачей — борьбу за низвержение абсолютизма, главным средством этой политической борьбы — агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций [см. там же, с. 379].

Ошибочным и в первом, и во втором проектах было еще оставшееся от революционного народничества признание необходимости террористической борьбы против абсолютизма, неверное понимание участия граждан в заведовании общественными делами как «прямого народного законодательства». Плехановским проектам программы российской социал-демократии, кроме отмеченных ошибочных положений, в которых отдавалась известная дань народническим и лассальянским иллюзиям, были присущи некоторый схематизм и абстрактность.

Заслуга Плеханова состояла в том, что в проекте программы русских социал-демократов, как и в его статьях в конце 80-х — начала 90-х годов XIX в., он, как отмечал Ленин, «неоднократно и в самых решительных выражениях подчеркивал громадную

важность крестьянского вопроса в России...» [3, т. 12, с. 242].

Спустя несколько лет, в 1907 г., Ленин, говоря о плехановском проекте программы русских социал-демократов (1885), писал: «Ошибочность этой программы — ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление. Разумеется, было бы нелепо ставить эту ошибку в вину составителям программы, впервые излагавшим известные принципы задолго до образования рабочей партии. Напротив, надо особенно подчеркнуть, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы» [3, т. 16, с. 232].

Взгляды Плеханова и его единомышленников в те годы на расстановку сил в будущей революции были исторически ограничены. Было бы неправильно упрекать Плеханова в том, что в 80-х годах XIX в. он еще не решал конкретных вопросов, которые встали перед марксистами России только с развитием массового рабочего движения, положившего в середине 90-х годов начало новому этапу российского освободительного движения. Хотя плехановские проекты программы и не смогли стать боевой программой партии рабочего класса, созданной в дальнейшем, они, как и другие произведения Плеханова, сыграли большую положительную роль в пропаганде марксистского учения среди революционеров в России 80-х — первой половины 90-х годов XIX в.

Членам группы «Освобождение труда» удалось подготовить и издать ряд превосходных трудов, пропагандирующих марксизм в его применении к условиям России. Ленин, называя группу «Освобождение труда» основателем социал-демократии в России, отмечал в 1914 г., что «литературные произведения этой группы, печатавшиеся без цензуры за границей, стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма» [3, т. 25, с. 95].

Идейно-теоретическая революционная деятельность Плеханова-марксиста была не национально-замкнутой, обращенной исключительно к российскому освободительному движению. Уже в 80-х — первой половине 90-х годов труды Плеханова, его выступления и идейные связи носили интернационалистский характер и все более обращались к международному рабочему движению.

Г. В. Плеханов и его соратники по группе «Освобождение труда» имели в начале 80-х годов идейно-теоретические связи с К. Марксом и Ф. Энгельсом, вели переписку с ними, переводили на русский язык их произведения, высоко чтили их заслуги перед революционным движением и наукой. Начиная с 80-х годов Плеханов устанавливает также связи и ведет переписку с П. Лафаргом, Ж. Гедом, А. Бебелем, В. Либкнехтом, К. Каутским и другими французскими и немецкими марксистами. К 1889 г.,

ко времени первого учредительного Конгресса II Интернационала, относится непосредственный выход Плеханова и его единомышленников на арену международного рабочего движения. Плеханов вместе с Аксельродом был делегатом Конгресса от русских социал-демократов наряду с делегатами от русских народолюбцев (их было четверо, в том числе Лавров).

В страстной речи Плеханова на Конгрессе прозвучала глубокая уверенность в победе революционного движения в России, главной силой которого стал выступать рабочий класс. «Задача нашей революционной интеллигенции,— заявил Плеханов,— сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» [33, сб. VIII, ч. 1, с. 86].

После выступления на учредительном Конгрессе II Интернационала Плеханов в Лондоне лично познакомился с Ф. Энгельсом, и с тех пор между ними устанавливаются тесные и дружественные отношения. Плеханов считает Энгельса своим учителем. Энгельс высоко ценит талант и теоретические способности Плеханова.

С 1889—1890 гг. начинаются частые и яркие выступления Плеханова в социал-демократической печати западных стран. В 1891 г. Плеханов пишет статью для первомайского номера журнала, издаваемого одним из лидеров французских социалистов, Ж. Гедом, «Le Socialiste», где он сравнивает точку зрения марксизма со взглядами философа-материалиста XVIII в. К. Гельвеция, который считал, что реализация 7—8-часового рабочего дня сделает человека счастливым. По этому вопросу Плеханов пишет: «Рабочий день, о котором мечтал когда-то Гельвеций и которого требует в наше время рабочий класс всего мира, не сделает рабочего счастливым, по крайней мере, настолько, насколько это для него возможно... Гельвеций не знал «лекарства» против «зла», которое он предвидел. Мы же знаем такое лекарство, и притом лекарство верное: *это диктатура пролетариата как средство и социалистическая организация производства как цель*» [37, т. I, с. 506].

Плеханов был участником и III Конгресса II Интернационала в 1893 г. Выступая там, он заклеил российский царизм, соединившийся с реакционной буржуазией западных стран, как «позор всего цивилизованного мира». Получив в начале 1894 г. предложение от правления социал-демократической партии Германии написать брошюру с критикой анархизма, Плеханов, поддержанный Либкнехтом, Гедом и другими марксистами, написал «Анархизм и социализм». Хотя работа была несвободна от ряда недостатков (в ней Плеханов обошел наиболее существенное в

борьбе против анархизма — отношение революции к государству, вопрос о государстве вообще), актуальность критики анархизма марксистами и полемическая заостренность брошюры Плеханова, переведенной на многие европейские языки, снискала автору большую популярность в социал-демократических партиях Западной Европы.

В 90-х годах XIX в. Плеханов становится одним из виднейших марксистских теоретиков II Интернационала. Его статьи, появившиеся на страницах журналов немецких, французских, итальянских, болгарских, польских и других социалистических партий, страстные и полемически яркие выступления во II Интернационале и в других аудиториях западноевропейских стран активно способствовали пропаганде марксизма, защите на международной арене воинствующего материализма от его буржуазных противников и фальсификаторов.

Плеханов как историк философии и общественной мысли. Весьма важное теоретическое значение для пропаганды и защиты философии марксизма и в известной мере для разработки ее принципиальных положений имели труды Плеханова по истории философии и критике буржуазной идеалистической философии. Этим целям хорошо послужили созданные Плехановым в первой половине 90-х годов марксистские философские произведения. Значительным вкладом в сокровищницу марксистской философии явились статья Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891), книга «Н. Г. Чернышевский» (1890—1892), предисловие и примечания к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», переведенной Плехановым на русский язык (1892), книга «Очерки по истории материализма» (1892—1893), книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1894 — начало 1895 г.) и ряд других работ.

Плеханов, став марксистом, по-прежнему высоко ценил творчество своих предшественников — революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Отказавшись от ошибочных взглядов народников о «самобытности» русской истории, об «исключительной роли» сельской общины и крестьянства в будущей российской революции, отбросив их идеалистические ошибки в понимании общественного развития, Плеханов унаследовал революционные традиции своих предшественников, их оптимизм и веру в победу революции, в силы народа, глубокий интерес и уважение к революционной теории. Поняв различие между мировоззрением основоположников русской революционной демократии — Белинского и Чернышевского — и идеалистическими, во многом субъективистскими концепциями революционеров-народников 70—80-х годов, Плеханов высоко ценил и продолжал материалистические традиции Белинского и Чернышевского, их диалектические идеи и особенно диалектику Герцена, понятую как «алгебру революции», развивал идеи их реалисти-

ческой эстетики. Выступая в 1898 г. с речью по случаю пятидесятилетия со дня смерти В. Г. Белинского, Плеханов в заключение сказал: «Если бы Белинский дожил до нашего времени, то он отдохнул бы, наконец, душою... с обычной своей страстностью, своими вдохновенными словами приветствовал бы он начинающееся пробуждение русского пролетариата и, умирая, искренно позавидовал бы тем счастливым, которые доживут до дня его победы» [37, т. IV, с. 496].

Четыре статьи Плеханова о Чернышевском, написанные в начале 90-х годов и опубликованные в сборнике группы «Освобождение труда» «Социал-демократ», вскоре были переведены на немецкий язык и напечатаны в органе германской социал-демократии — «Neue Zeit», а в 1894 г. — в партийном издании Дитца отдельной книгой. Сам этот факт говорит о том интересе, которое встретила работа Плеханова среди социал-демократов Запада. Впервые творчество Чернышевского было рассмотрено в книге Плеханова с марксистских позиций. Для русских читателей, которые знали и любили Чернышевского, многое в работе Плеханова было откровением, поскольку в ней были раскрыты материалистическое мировоззрение Чернышевского, его диалектический подход к общественной жизни, его критика помещичье-буржуазного либерализма и огромная роль Чернышевского в развитии реалистического направления в русской литературе и этики «новых людей». Западноевропейских социал-демократов, большинство которых почти не знали Чернышевского, эта книга впервые ознакомила с выдающимся русским философом и революционером.

Плеханов считал Чернышевского славой и украшением русской философской и социологической мысли. Он называл его писателем, «деятельность которого составила эпоху в истории нашей литературы» [37, т. IV, с. 70]. Плеханов много сделал для воссоздания облика великого русского революционера и мыслителя-материалиста.

Опираясь на реалистические традиции эстетики Белинского и Чернышевского, Плеханов начинал разрабатывать вопросы марксистской эстетики. Уже в конце 80-х — начале 90-х годов он излагает свои марксистские эстетические взгляды применительно к анализу литературного творчества народников-беллетристов (Г. И. Успенского, С. Каронина и др.). Следуя марксистской теории отражения действительности в искусстве, Плеханов вместе с тем подчеркивает активную и плодотворную роль правильного мировоззрения писателя, художника. «...Писатель, — пишет он, — является не только *выразителем* выдвинувшей его общественной среды, но и *продуктом* ее... он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык...» [там же, с. 42]. Анализируя творчество народнических и других писателей, он подчеркивает связь реалистического, правдивого, изображения действительности с художественным

мастерством и рекомендует народникам-беллетристам принять марксизм, понять интересы русского рабочего и тем самым вдохнуть новую жизнь в свои произведения, которые благодаря этому могут стать более ценными в идейном и художественном отношении. В то же время он критикует слабые, ошибочные, утопические стороны взглядов Чернышевского, которые были использованы народниками для своей доктрины, пропаганды «социалистического характера» крестьянской общины, что мешало распространению марксизма в России.

Народники, особенно либеральные, отступили от демократических и материалистических традиций Чернышевского. Плеханов показал, что Чернышевский — революционер и демократ, непримиримый враг самодержавия и реакции, помещичье-буржуазного либерализма, непоколебимый воинствующий материалист — явился предшественником российской социал-демократии. Ленин отмечал в 1899 г.: «Плеханов в своей книге о Чернышевском... вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса» [3, т. 4, с. 259].

Продолжая и развивая солидные материалистические традиции, присущие русской революционной мысли XIX в. и прежде всего Белинскому и Чернышевскому, Плеханов вместе с тем обращался ко всему наиболее ценному из философского наследия, особенно к классической немецкой философии. Его внимание уже в 80-х — начале 90-х годов привлекла диалектика Гегеля.

В 1891 г. в журнале «Neue Zeit» была напечатана статья Плеханова «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля». В ней выявляется огромная роль философии Гегеля в истории философской мысли человечества, сущность диалектики немецкого мыслителя. Плеханов доказывает деятелям международного рабочего движения необходимость следовать революционным принципам диалектики в той трактовке, которую дали им Маркс и Энгельс, развенчивает филистеров-реформистов, пытавшихся исказить принципы марксистской диалектики. «Между теми науками, которые у французов называются «*sciences morales et politiques*» (науками нравственными и политическими.— *Ред.*), — пишет Плеханов, — нет ни одной, которая не испытала на себе могучего и в высшей степени плодотворного влияния гегелевского гения. Диалектика, логика, история, право, эстетика, история философии и история религии приняли повый вид благодаря толчку, полученному ими от Гегеля» [37, т. I, с. 422].

В этой статье Плеханов показывает классовые корни враждебного отношения идеологов современной буржуазии к гегелевской диалектике. Плеханов отмечает, что образованные имущие классы ныне при всем оживлении интереса к философии Гегеля не могут относиться к нему с той симпатией, которую питали к нему 60 лет назад в «странах немецкой культуры». И объясняется это прежде всего тем, что Гегель был диалектиком, смотрел на все «явления с точки зрения процесса *des Werdens* (становле-

ния)», т. е. возникновения и уничтожения [там же, с. 423]. Но вместе с тем ограниченность его философии — ее идеализм, в том числе «идеализм чистейшей воды» во взгляде на всемирную историю — привлекает ныне внимание уходящих с исторической арены социальных сил.

Напоминая известную мысль Гегеля о «сове Минервы», Плеханов показывает, что «как в природе, так и в особенности в истории процесс становления есть, в каждое данное время, *двойной процесс*: уничтожается старое и в то же время возникает из его развалин новое... Если философия познает только отживающее старое, то познание *односторонне*, она не способна выполнить свою задачу познания сущего... Новейший материализм чужд подобной крайности. На основании того, что есть и что отживает свой век, он умеет судить о том, что *становится*» [там же, с. 441].

Диалектический метод Гегеля, отмечает Плеханов, создал, хотя и на идеалистической основе, предпосылки для разрешения противоречия между свободой и необходимостью, что помогло научной философии раскрыть подлинную роль и место сознательной деятельности людей. Гегель показал, что «мы свободны лишь постольку, поскольку познаем законы природы и общественно-исторического развития и поскольку *мы, подчиняясь им, опираемся на них*. Это было величайшее приобретение как в области философии, так и в области общественной науки — приобретение, которым в полном его объеме воспользовался, однако, только современный, диалектический, материализм» [там же, с. 443].

В своей статье Плеханов подчеркивает коренное отличие философии Гегеля, раздираемой противоречиями между прогрессивным, диалектическим методом («алгебра революции») и консервативной, идеалистической системой, от диалектического материализма Маркса, благодаря которому «материалистическая философия возвысилась до цельного, гармонического и последовательного мирозерцания... то, что у Гегеля является случайной, более или менее гениальной догадкой, становится у Маркса строго научным исследованием» [там же, с. 444—445]. Плеханов пишет, что только диалектический материализм «сумел применить к истории найденное идеализмом отношение между свободой и необходимостью» и благодаря этому люди смогут подчинить себе двигательные силы исторического развития. «Заслуга Маркса, — подчеркивал Плеханов, — заключается именно в том, что он открыл эти силы и подверг тщательному научному изучению их действия. Современный диалектический материализм... открывает на самом деле в первый раз в истории путь к царству свободы и сознательной деятельности. Но войти в это царство возможно только путем коренного изменения пынешней общественной деятельности» [там же, с. 445].

Все это позволяет Плеханову сделать вывод о том, что великое завоевание человеческой мысли, в становлении которого сыграл такую большую роль Гегель, — диалектика — становится истори-

ческим принципом и его носителем выступает передовой общественный класс современной эпохи — пролетариат.

Энгельс вскоре же после выхода номеров «Neue Zeit» со статьями Плеханова о Гегеле написал главному редактору журнала К. Каутскому: «Статьи Плеханова превосходны» [1, т. 38, с. 205].

Об отзыве Энгельса сразу же сообщили Плеханову. Он был очень горд его похвалой и вскоре же ответил Энгельсу: «Мне передавали, что Вы написали несколько благожелательных слов Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы» [2, с. 649].

И в этой, и в последующих работах первой половины 90-х годов, специально посвященных философии, Плеханов выступает как вдумчивый мыслитель, с позиций диалектического материализма освещающий проблемы философской теории, истории философии и общественной мысли. Широта и разнообразие историко-философской тематики произведений Плеханова, его богатая эрудиция в различных областях человеческой мысли, глубокое проникновение в процесс исторического развития философии, яркий полемический талант дают полное основание утверждать, что после Маркса и Энгельса среди марксистов не было равных Плеханову историков философской и социологической мысли до появления на исторической арене В. И. Ленина.

В 1892 г. на русском языке в переводе Плеханова вышла в свет работа Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». В качестве приложений были напечатаны знаменитые тезисы Маркса о Фейербахе и отрывок из «Святого семейства», в котором Маркс излагал свои взгляды на французский материализм. Плеханов снабдил книгу предисловием и обширными примечаниями, которые носили исследовательский характер.

Рассматривая в своем предисловии к переводу книги Энгельса решительное выступление диалектического материализма против идеалистической философии, начавшееся с полемики Маркса и Энгельса против Б. Бауэра и компании («Святое семейство»), как целую эпоху в истории человеческой мысли, Плеханов с полным основанием мог сказать о нем: «Чрезвычайно важное и по своему историческому значению и по содержанию... оно и теперь могло бы еще сыграть большую роль в России, где даже самые передовые писатели упорно продолжают держаться идеалистической точки зрения на общественную жизнь» [37, т. I, с. 452].

В примечаниях к книге Энгельса «Людвиг Фейербах...» Плеханов рассматривает целый ряд историко-философских вопросов, например вопрос о месте теории познания в мировоззрении Фихте, Юма, Канта, о «категорическом императиве» в кантовской

системе. Плеханов и ранее писал в своих произведениях о крайней абстрактности этического идеала Канта, выраженного в его «категорическом императиве», об оторванности его от реальных общественных интересов передовых сил XVIII в. В примечаниях он еще более определенно выступает в защиту единства философской теории и социальной практики, органической связи между действительностью и идеалами, которая достигается в марксизме. Обращаясь в качестве примера к жизни и деятельности Энгельса, Плеханов делает следующий вывод: «Энгельс посвятил всю свою жизнь чрезвычайно высокой цели: освобождению пролетариата. У него тоже был «идеал»; но... его идеал это была та же действительность, но *действительность завтрашнего дня...*» [там же, с. 490]. И здесь Плеханов снова отвергает догматический фатализм, который приписывали марксизму его противники: «Законы общественного развития, — доказывает он, — так же мало могут осуществляться без посредства людей, как законы природы без посредства материи. Но это вовсе не значит, что *личность* может игнорировать законы общественного развития. В самом лучшем случае она будет наказана за это тем, что станет в положение смешного Дон-Кихота» [там же, с. 490].

С позиций воинствующего материализма Плеханов пытается выявить различие между решением проблем теории познания в системе Канта и Гегеля и критикует агностицизм Канта. Правильно в основном освещая этот вопрос, Плеханов допускает здесь ошибочную формулировку, свидетельствующую о его некритическом отношении к теоретико-познавательным концепциям немецкого физика Гельмгольца: он согласился с Гельмгольцем, заключая, что «ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности» [там же, с. 501]. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» подверг критике эту терминологическую ошибку Плеханова как уступку агностицизму [см. 3, т. 18, с. 244—251]. При переиздании перевода книги Энгельса в 1905 г. Плеханов отказался от этой формулировки, отметив неудачность такой терминологии [см. 37, т. I, с. 480—481; т. III, с. 240—241].

В 1892 г. Плеханов по заказу Каутского начал писать для немецкой социал-демократической печати серию очерков о французских материалистах (Гольбахе, Гельвеции) и о связи философии Маркса с их взглядами, где показал роль материалистических традиций философии XVIII в., значение марксистского материализма как высшего достижения материалистической философии, что было особенно важно для преодоления пренебрежительного отношения к философской теории у многих лидеров II Интернационала. Эти очерки были изданы книгой только в 1896 г. в Штутгарте под названием «Очерки по истории материализма. I. Гольбах. II. Гельвеций. III. Маркс». Работа вышла на немецком языке в переводе с французского (на котором она была написана), а затем была переведена на русский язык.

В центре «Очерков по истории материализма» — история учений об обществе и законах его развития. Отмечая первостепенное значение этих идей в истории философской мысли, Плеханов критикует концепции тех буржуазных историков философии, которые освещают чаще всего только историю натурфилософии, но игнорируют социально-исторические воззрения мыслителей, особенно философов-материалистов XVII—XVIII вв., и совсем замалчивают философию истории Маркса.

Исследуя историю материализма, Плеханов продолжил дело, начатое Марксом и Энгельсом, и разрабатывал марксистский научный метод исследования истории философской мысли. Он критикует буржуазно-объективистскую историко-философскую концепцию Ибервега, который лишь констатирует наличие борьбы и стремление к примирению между религиозными убеждениями и наукой. Главным стержнем истории философских идей, показывает Плеханов, является борьба материализма и идеализма. Вместе с тем слабой стороной его историко-философских работ было недостаточное внимание к теоретико-познавательной стороне историко-философского процесса. Кроме того, стремясь подчеркнуть тот факт, что философия Маркса—Энгельса впитала в себя все ценное из предшествующей истории философской мысли, Плеханов порой неправомерно сближал отдельные идеи Спинозы и Фейербаха с философией Маркса.

Однако при всех своих недостатках «Очерки по истории материализма» явились ценным вкладом в становление марксистской истории философии как науки и способствовали пропаганде идей марксистской философии в международном рабочем движении. В «Очерках...» Плеханов выдвинул обобщающую формулу материалистического понимания истории: *«Данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в процессе общественного производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием, — мы не хотим сказать, что эта «формула» охватывает все, — совсем нет! — но, как нам кажется, она имеет то бесспорное преимущество, что она лучше выражает причинную связь, существующую между различными «членами ряда». Что же касается «ограниченности» и «односторонности», в которых обыкновенно упрекают материалистическое понимание истории, то читатель в нем не найдет их и следа» [37, т. II, с. 171—172].*

Подводя итоги исследования истории материализма в «Очерках...», Плеханов обращал особое внимание на качественное отличие социальных функций марксистской философии от исторически ограниченных функций предшествовавшего материализма. Он писал: «Как ни революционны были французские материали-

сты, они обращались только к *просвещенной буржуазии* и к «*философствующим*» дворянам, перешедшим в лагерь буржуазии. Они обнаруживали непреодолимый страх перед «чернью», «народом», «*невежественной толпой*». Но *буржуазия* была и могла быть *только наполовину революционной*. Маркс обращается к пролетариату, к классу, революционному в полном смысле слова... Вполне понятно, что подобное учение не могло встретить благоприятного приема у «сильных мира сего». Буржуазия в наши дни стала реакционным классом: она стремится «*повернуть колесо истории вспять*». Ее идеологи даже не в состоянии *понять* огромное научное значение открытий Маркса. Зато пролетариат пользуется его исторической теорией как самым надежным руководителем в своей борьбе за освобождение» [там же, с. 193].

Труд Плеханова «Очерки по истории материализма» был большим вкладом в научную историю материалистической философии. Это было по существу первое в марксистской литературе освещение истории французского материализма в лице крупнейших его представителей — Гольбаха и Гельвеция — и вместе с тем удачная попытка показать становление диалектического материализма Маркса и Энгельса, преемственность его развития по отношению к предшествующему материализму и в то же время существенное его отличие от последнего. Плеханов обратил особое внимание на коренное отличие исторического материализма Маркса от «философии истории» французских материалистов, которым были присущи только отдельные материалистические догадки об «эволюции» в истории общества.

В речи «Философские и социальные воззрения К. Маркса», произнесенной, по-видимому, в 1897 г. и примыкающей к «Очеркам по истории материализма», Плеханов нарисовал яркую картину возникновения и развития диалектического материализма Маркса и Энгельса, показал, что «появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли» [там же, с. 450].

Проблемы исторического материализма и материалистической диалектики. Исследование истории философии было для Плеханова одним из средств решения насущных идейно-теоретических и политических задач российского и международного рабочего движения, в частности одним из средств критики идеалистического понимания истории и субъективистского метода в социологии, которые продолжали проповедоваться различными, например анархистскими, попутчиками рабочего движения на Западе и многими народническими идеологами, оказавшимися к началу 90-х годов на консервативных позициях либерального народничества.

В 1892 г. Плеханов выступил в легальной печати против либерального народничества со статьей «Странное недоразумение». Плеханов критиковал Н. Михайловского, В. Воронцова, С. Кри-

венко и других либеральных народников, пытавшихся исказить смысл письма К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» о роли общины в экономическом и политическом развитии России. Они, нападая на социал-демократов, утверждали, что «Маркс пристыдил своих учеников». Плеханов доказывал в статье, что только искажением взглядов Маркса и путаницей в их взглядах можно объяснить такое «странное недоразумение». Излагая существо теории исторического материализма, он показывал, что знаменитое письмо Маркса не выводит Россию за рамки общесторических законов. «Чтобы судить о том, применимы или неприменимы к России взгляды Маркса, надобно прежде всего дать себе труд понять эти взгляды и не смешивать «формулу капиталистического процесса» с общей теорией, объясняющей всю историю человечества» [33, сб. IV, с. 25].

Дальнейшим шагом в борьбе Плеханова против либеральных народников явилась книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1893—1894), название и текст которой были приспособлены к условиям легальной печати. Поэтому, например, вместо термина «социал-демократ» употреблялось: «ученик Маркса». Книга была напечатана под псевдонимом: Н. Бельтов. Цензурный комитет пропустил эту книгу со столь длинным названием под фамилией неизвестного автора, и она вышла в свет в Петербурге в январе 1895 г.

В этой работе Плеханов ставил своей целью раскрыть преестественную связь мировоззрения и метода «современного материализма», т. е. марксизма, с предшествующими учениями материалистической и диалектической философии (французский материализм, классическая немецкая философия), критическим утопическим социализмом и показать закономерность социалистического революционного преобразования мира. Одновременно это было яркое полемическое произведение, направленное против главных противников марксизма в России — либеральных народников во главе с Михайловским, твердивших, что марксизм-де «философски необоснован» и не применим к России.

Вопреки народническим измышлениям о том, что марксизм будто бы не дает никакого простора для свободной человеческой деятельности людей во имя передовых идеалов. Плеханов показывал, что именно диалектическому материализму чужд фаталистический взгляд на историю. «...Подобно тому, — пишет Плеханов, — как окружающая человека природа сама дала ему первую возможность развития его производительных сил, а следовательно, и его постепенного освобождения из-под ее власти — отношения производства, общественные отношения, собственной логикой своего развития приводят человека к сознанию причин его порабощения *экономической* необходимостью. Этим дается возможность нового и окончательного торжества *сознания* над *необходимостью*, *разума* над *слепым законом*. Сознав, что причина его порабощения его собственным продуктом лежит в анархии производства, про-

изводитель («общественный человек») организует это производство и тем самым подчиняет его своей воле. Тогда оканчивается царство *необходимости* и воцаряется *свобода*, которая сама оказывается *необходимостью*. Пролог человеческой истории сыграна, начинается история» [37, т. I, с. 690]. Плеханов раскрывает коренное положение диалектического материализма о том, что «человеческий разум не мог быть демиургом истории, потому что он сам является *ее продуктом*. Но раз явился этот продукт, он *не должен* и по самой природе своей *не может* подчиняться завещанной прежней историей действительности; он по необходимости стремится преобразовать *ее* по своему образу и подобию, *сделать ее разумной...* Диалектический материализм есть философия *действия*» [там же, с. 691—692].

Плеханов принялся за разработку проблемы роли личности в истории, крайне актуальной в связи с необходимостью критики субъективизма и волюнтаризма в идеологии народничества (впоследствии у эсэров) и анархизма. Позднее эта проблема получила дальнейшее и притом развернутое освещение в таких талантливых произведениях Плеханова, как работы «К вопросу о роли личности в истории», «О материалистическом понимании истории» и некоторые другие.

Диалектический материализм, показывает Плеханов, вооружает личность знанием законов действительности, а следовательно, и умением воздействовать на нее. «Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны, люди подчинены железному закону, который можно лишь узнать, но который невозможно подчинить человеческой воле, говорил Георг Бюхнер. Нет, отвечает Маркс, раз мы *узнали* этот железный закон, от нас зависит свергнуть его иго, от нас зависит сделать *необходимость* послушной работой *разума*. Я — червь, говорит идеалист. Я — червь, пока я невежествен, возражает материалист-диалектик; но я — бог, когда я *знаю* *Tantum possimus, quantum scimus!* (Столько можем, сколько знаем). — *Ред.*)» [там же, с. 691].

Критикуя народнические и анархистские взгляды о решающей роли в истории, которую будто бы играют «герои» — выдающиеся личности из среды интеллигенции, Плеханов пишет: «Пока существуют «герои», воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, — царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой «толпе», разовьется соответствующее этому самосознание» [37, т. I, с. 693]. В отличие от идеологов-субъективистов марксисты, отмечает Плеханов, стремятся к устранению классов, поэтому они обращаются к производителям (т. е. к рабочему классу), «которые должны сделать себя героями ближайшего исторического периода. Поэтому, в пер-

вый раз с тех пор, как наш мир существует и Земля обращается вокруг Солнца, происходит сближение науки с работниками: наука спешит на помощь трудящейся массе; трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении» [там же, с. 693—694].

В заключение своей книги Плеханов, опираясь на учение К. Маркса и Ф. Энгельса, снова убедительно показывает, что диалектический материализм чужд фатализму и «никаких стран ни к чему не приговаривает, что он не указывает пути, общего и «обязательного» для всех народов во всякое данное время; что дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил...» [там же, с. 707]. Изучение российской действительности, пишет Плеханов, «привело Маркса в семидесятых годах к *условному* заключению: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, на который она вступила со времени освобождения крестьян, то она сделается совершенно капиталистической страной, а после этого, раз попавши под ярмо капиталистического режима, ей придется подчиниться неумолимым законам капитализма наравне с другими народами-профанами. Вот и все!» Вот и все. Но русский человек, желающий трудиться для блага своей родины, не может удовольствоваться таким условным выводом: у него неизбежно возникает вопрос: будет ли продолжать она идти по этому пути? Не существует ли данных, позволяющих надеяться, что путь этот будет ею оставлен? Чтобы ответить на этот вопрос, надо опять-таки обратиться к изучению фактического положения страны, к анализу современной ее внутренней жизни. Русские ученики Маркса *на основании такого анализа* утверждают: *да, будет продолжать! Нет данных, позволяющих надеяться, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 года*» [там же, с. 710—713]. Итак, «уже со времени отмены крепостного права Россия явно вступила на путь капиталистического развития» [там же, с. 713]. Это был чрезвычайно важный вывод для стратегии и тактики революционного движения, вывод, полученный в результате применения учения Маркса — Энгельса к анализу российской действительности.

Книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» была восторженно встречена в России. В. И. Ленин впоследствии писал, что на этой книге «воспиталось целое поколение русских марксистов» [3, т. 19, с. 313].

Энгельс писал Плеханову 8 февраля 1895 г.: «Вера (Засулич.— Авт.) вручила мне Вашу книгу, за которую благодарю, я приступил к чтению, но оно потребует известного времени. Во всяком случае, большим успехом является уже то, что Вам удалось добиться ее издания *в самой стране*» [2, с. 720].

Историческое значение первого периода марксистской деятельности Плеханова. После появления работ Плеханова, и осо-

бежно работ «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Очерков по истории материализма», его авторитет и популярность как теоретика марксизма в международном рабочем движении особенно возросли. В конце XIX в. труды Плеханова печатались на немецком, французском, английском, итальянском, болгарском, венгерском, польском и румынском языках.

1895 год был очень ответственным годом в истории российского революционного движения, теоретической деятельности русских марксистов, в том числе Г. В. Плеханова. Этот год знаменовал собой переход освободительного движения России на новый, пролетарский этап его развития, что было связано с созданием в Петербурге «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», во главе которого стоял В. И. Ленин; этот этап характеризовался началом соединения научного социализма с рабочим движением. Для Плеханова и его соратников по группе «Освобождение труда» он был тоже поворотным в том смысле, что группа смогла сделать новый шаг навстречу российскому рабочему движению благодаря установлению более прочных, чем ранее, связей с революционными рабочими организациями России, и прежде всего с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

В мае 1895 г. произошло событие, которое оказало огромное влияние на деятельность Плеханова и его группы. Для установления тесных контактов с группой в Женеву приехал руководитель петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ульянов (Ленин).

П. Б. Аксельрод в своих воспоминаниях (1923) пишет, что, беседуя с Лениным, он не соглашался с той критической позицией по отношению к либерализму, которая нашла выражение в статье Ленина (под псевдонимом Тулин), вошедшей в сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». «У Вас, — говорил Аксельрод, — заметна тенденция, прямо противоположная тенденции той статьи, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе. А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочими, как и перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие их широкой самодеятельности. Точнее говоря, это — задача свержения абсолютизма. Эта задача диктуется всем нам русской жизнью. Так как цензурные условия не позволяют определить эту задачу настоящим словом, то я характеризовал ее формулой: «Создание условий для широкой общественной самодеятельности», требуемое русской жизнью.

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

«Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: „Вы,— говорит.— поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом“» [36, с. 270—271].

Это было принципиальное различие в отношении к идеологии либеральной буржуазии, в частности к «легальному марксизму», который В. И. Ленин уже в 1894—1895 гг. считал отражением марксизма в буржуазной литературе.

Плеханов писал о встрече с Лениным так: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди» [12, с. 209]. В одном из писем он, по воспоминаниям Г. М. Кржижановского, отмечал «и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию» [11, с. 153].

Взгляды Ленина и Плеханова по важнейшим вопросам революционной теории в то время в основном совпадали. Расхождения касались их отношений к «легальным марксистам» и либералам: члены группы «Освобождение труда» ошибочно считали, что представители либеральной буржуазии могут быть прочными союзниками рабочего класса в борьбе за низвержение абсолютизма. Встречи с Плехановым произвели на Владимира Ильича огромное впечатление. Н. К. Крупская вспоминала об отношении в то время Ленина к Плеханову: «Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом, всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов» [26, с. 476].

Ленин высоко оценил заслуги плехановской группы «Освобождение труда», но отметил и ее слабости. В 1914 г. он писал о двадцатилетней истории связи марксизма с массовым рабочим движением в России: «До 1894—1895 гг. не было такой связи. Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Только агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 гг. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением» [3, т. 25, с. 132]. Плеханов и его группа «Освобождение труда» приняли активное идейно-теоретическое участие в переходе революционного движения в России на путь марксизма. Переведенные ими на русский язык произведения Маркса и Энгельса, работы Плеханова в тот период сыграли принципиально важную роль в идейно-теоретической подготовке революционной партии рабочего класса России.

Плеханов в этот первый период своей марксистской теоретической деятельности (1883—1895) внес большой вклад в дело формирования научно-материалистического мировоззрения революционеров в России, в идейно-теоретическую борьбу международного рабочего движения. Его важная положительная роль на поприще философской науки состояла в распространении идей марксизма в рабочем движении России и других стран, в применении принципов марксистской философии к практике революционного рабочего движения XIX в., в доказательстве всеобщего значения открытых Марксом и Энгельсом законов диалектики для анализа объективных закономерностей социального развития, в том числе применительно к России и всем другим странам, переходившим от феодальной стадии общественной жизни к капиталистической. Не ограничиваясь конкретизацией и пропагандой выработанного Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории в среде русских революционеров и социал-демократических партий II Интернационала, Плеханов в этот период, следуя принципам исторического материализма, разрабатывал далее такие важные для теории и революционной практики философские и социологические проблемы, как роль идей в жизни общества, взаимодействие форм общественного сознания и их специфические закономерности, роль личности в истории, диалектика свободы и необходимости, преемственность в истории философии и общественной мысли, вопрос о революционном характере переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии, об отношении марксизма к наследию в области философии, всей общественной мысли и культуры.

Идейно-теоретическая деятельность Плеханова в этот период была проникнута духом воинствующего материализма, направлена на борьбу с противниками и фальсификаторами марксизма — реакционными течениями буржуазной философии, с буржуазно-либеральными концепциями и «обосновывающими» их философскими течениями (позитивизм, неокантианство и др.), с идеалистическими и субъективистскими концепциями идеологов народничества и анархизма, с вульгарно-материалистическими, метафизическими взглядами, извращавшими суть философии марксизма.

Для периода домонополистического капитализма в Европе теоретические работы Плеханова имели большое плодотворное значение, они шли в русле созданной Марксом и Энгельсом философии диалектического и исторического материализма, теории научного социализма. Но уже в домонополистический период в его трактовке ряда философских и идейно-политических вопросов проявлялись недостатки и слабости. Творчески разрабатывая ряд важных вопросов материалистического понимания истории, Плеханов вместе с тем порой обходил чрезвычайно важные стороны общественной жизни, например вопрос о государстве и отношении к нему революционного движения (что ослабляло его

критику в адрес анархизма и других антимарксистских течений). Отстаивая революционные принципы марксистской теории, особенно принцип диктатуры пролетариата, борьбы за руководящую роль рабочего класса в революционном движении, Плеханов не смог правильно решить вопрос о революционных возможностях крестьянства как союзника пролетариата, преувеличивал роль либеральной буржуазии в России, считая возможным ее прочный союз с рабочим классом в борьбе за низвержение абсолютизма, и длительное время (до конца 90-х годов) не выступал с критикой буржуазных фальсификаторов революционного марксизма — «легальных марксистов». Сосредоточившись на важном деле применения диалектики к процессам общественной жизни, Плеханов не уделял должного внимания разработке теории диалектики как теории познания.

Эти и другие недостатки и недоработки философских и других теоретических вопросов в работах Плеханова были в значительной мере связаны с трудностями процесса становления и развития его марксистского мировоззрения, с некоторой оторванностью от практики революционного рабочего движения России и преимущественным влиянием опыта социал-демократических партий II Интернационала, взгляды и деятельность ряда лидеров которых и в ту революционную пору его истории не были свободны от ошибок и непоследовательности.

Даже в таких крупных произведениях Плеханова, как книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая хорошо послужила воспитанию первого поколения русских марксистов, налицо недостаточная разработанность отмеченных выше проблем и непоследовательность в ряде вопросов философской теории. При всех выступлениях Плеханова против фатализма, уже в ранний период его философского творчества чувствовались некоторая созерцательность в характеристике активной роли субъекта в познании и субъективного фактора в революционной деятельности, абстрактный схематизм в характеристике диалектического взаимодействия базиса и надстройки общества, а также диалектических процессов в надстройке. Ревизионисты крайне раздувают эти слабые моменты Плеханова, в то время находившиеся у него в зародыше, ложно приписывая ему фатализм и следование метафизическому методу, дабы противопоставить все его мировоззрение «аутентичному Марксу». Как бы то ни было, Плеханов не смог идти в ногу с задачами классовой борьбы XX в.

Уже в конце XIX в. первые труды В. И. Ленина («Что такое «друзья народа»...», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Фридрих Энгельс» и др.) и его руководящая деятельность в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», реально соединившем научный социализм с рабочим движением, целеустремленная работа Ленина по созданию революционной партии нового типа свидетельствовали о том, что на-

ступает новый, ленинский этап в творческом развитии марксизма, в его широком распространении и претворении в реальную действительность.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е.
2. Маркс К., Энгельс Ф. и революционная Россия. М., 1967.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений.
4. Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное, кн. 1. Берлин, 1923.
5. Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.
6. Бакунин М. А. Полное собрание сочинений, т. 2. СПб., 1907.
7. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. XII. М., 1956.
8. Викторов П. П. Первое открытое революционно-марксистское выступление в России (1881 г.) — Пролетарская революция, 1923, № 6-7.
9. Волк С. С. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969.
10. Волк С. С. Народная воля. М.—Л., 1966.
11. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. М., 1956.
12. Воспоминания Р. М. Плехановой.— См. Исторический архив, 1958, № 6.
13. Герцен А. И. Собрание сочинений, в 30-и томах, т. XX, кн. 2. М., 1960.
14. Де Роберти Е. В. Политико-экономические этюды. СПб., 1869.
15. Дицген И. Избранные философские сочинения. М., 1941.
16. Жуковский Ю. Карл Маркс и его книга о капитале.— Вестник Европы, 1877, т. V, кн. 9, сентябрь.
17. [Зибер Н. И.] Н. З. Диалектика в ее применении к науке.— Слово, 1879, № 11.
18. Зибер Н. И. Мысли об отношении между общественною экономикою и правом.— Слово, 1880, июнь.
19. Зибер Н. Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Von Friedrich Engels. Leipzig, 1878.— Критическое обозрение, 1879, № 15.
20. Кавелин К. Д. Собрание сочинений, т. 2. СПб., 1898.
21. [Кауфман И. И.] И. К-н. Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса.— Вестник Европы, 1872, т. III, кн. 5.
22. [Кибальчич Н. И.] Дорошенко А. Политическая революция и экономический вопрос.— В кн.: Литература партии «Народная Воля». М., 1930.
23. [Ковалик С. Ф.] Старик. Движение семидесятых годов по Большому процессу (193-х).— Былое, 1906, № 10.
24. Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения, ч. 1. М., 1879.
25. Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975.
26. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972.
27. Лавров П. Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма.— Календарь Народной Воли на 1883 год. Женева, 1883.
28. Лавров П. Л. Государственный элемент в будущем обществе. Лондон, 1876.
29. [Лавров П. Л.] Арнольди С. С. Задачи понимания истории. М., 1898.
30. [Лавров П. Л.] П. Л. Примечания.— В кн.: Шэфле А. Сущность социализма. Женева, 1881.
31. Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2-х томах, т. 2. М., 1965.
32. Лавров П. Л. Письма из Парижа.— ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, д. 135, лл. 12—15.
33. Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. IV. М., 1937; сб. VIII, ч. 1. М., 1940.
34. Михайлов А. Ф. [Автобиография.] — Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40.
35. Михайловский Н. К. Сочинения, т. 4. СПб., 1897.
36. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925.

37. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. I—V. М., 1956—1958.
38. Плеханов Г. В. Письмо П. Л. Лаврову от 31 октября 1881 г.— Дела и дни, 1924, кн. 2.
39. Плеханов Г. В. Сочинения, т. I. М.— Пг., 1923; т. II. М., 1924; т. VI. М., 1924.
40. «Политическая экономия настоящего и будущего». Сочинения Бруно Гильдебранда. СПб., 1860. [Без указания автора].— Современник, 1861, № 3, отд. II.
41. Русанов Н. С. Идеиные основы «Народной Воли». (К истории народо-вольчества).— Былое, 1907, № 9.
42. Русанов Н. С. Экономика и политика.— Дело, 1881, № 3.
43. Русанов Н. С. Экономический принцип в социологии.— Дело, 1881, № 10, 12.
44. Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969.
45. Стулов П. М. М. М. Ковалевский о Марксе.— Вестник Академии наук, 1933, № 3.
46. [Тихомиров Л. А.] Кольцов И. К вопросу об экономике и политике.— Дело, 1881, № 5.
47. Ткачев П. Н. Сочинения в 2-х томах, т. 1—2. М., 1975—1976.
48. Фигнер В. Полное собрание сочинений в 6-и томах, т. V. М., 1921.
49. Чернышевский Н. Г. в воспоминаниях современников, т. II. Саратов, 1959.
50. Чичерин Б. Н. Немецкие социалисты. 2. Карл Маркс.— Сборник государственных знаний, т. VI. СПб., 1878.
51. Шульгин В. Когда в России стали известны Маркс и Энгельс и идеи марксизма.— Исторический журнал, 1940, № 4—5.
52. Morgan L. H. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilization. London, 1877.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

в 70-х — начале 90-х годов XIX в.

Глава одиннадцатая.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ В ТРУДАХ К. МАРКСА 70-х — начала 80-х годов	5—25
1. Обобщение К. Марксом опыта пролетарской революции во Франции (Парижская Коммуна 1871 г.)	5
2. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против мелкобуржуазных антимарксистских социальных концепций	12
3. «Критика Готской программы» К. Маркса и ее теоретическое значение	19

Глава двенадцатая.

«АНТИ-ДЮРИНГ» Ф. ЭНГЕЛЬСА — ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА	26—67
Историческая обстановка и идеологическая атмосфера, в которой создавался «Анти-Дюринг» (26).	
1. Диалектический материализм как мировоззрение	31
Предмет философии (31).— Единство мира. Материя и движение как способ ее бытия. Время и пространство (33).— Сущность жизни (35).	
2. Теория и метод материалистической диалектики	36
Программа разработки материалистической диалектики (36).— Всеобщие законы диалектики (39).— Субъективная диалектика и логика (42).— Учение об истине. Практика — критерий истины (46).— Другие проблемы теории познания (51).	
3. Исторический материализм как теория и метод	52
Материалистическое понимание законов общественного развития. Роль насилия в истории (53).— Право. Диалектика свободы и необходимости (58).— Закономерности перехода от первобытнообщинного строя к классовому (62).	

Глава тринадцатая.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ТРУДАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА. «ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ» Ф. ЭНГЕЛЬСА	68—126
1. Становление марксистской философии природы и естествознания	68
Философская оценка естествознания в ранних произведениях Маркса и Энгельса (69).— Философские выводы из наук	

о природе в трудах Маркса и Энгельса 50—60-х годов (74).— Замысел «Диалектики природы» и работа Энгельса над ней (78).

2. Взаимоотношение марксистской философии и естественных наук 81
Изменение предмета философии и диалектика природы (81).— Необходимость философского осмысления достижений естественных наук и истории познания в целом (83).— Необходимость диалектического метода для естествознания (86).— Диалектика эмпирического и теоретического (89).
3. Законы и категории материалистической диалектики и естествознание 94
Законы диалектики как фундаментальные принципы бытия и познания. Три основных закона диалектики (94).— Каузальность, необходимость и случайность (98).— Категория взаимодействия (102).
4. Философский анализ материи и форм ее существования 103
Материя и движение. Формы существования материи (103).— Проблема «круговорота» в природе (105).— Классификация форм движения материи (108).— Принципы классификации наук (113).
5. Философские проблемы в «Математических рукописях» К. Маркса 115
Подход Маркса к обоснованию дифференциального исчисления (115).— Значение «Математических рукописей» для методологии и гносеологии науки (120).

Глава четырнадцатая.

РАЗВИТИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСОМ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РАБОТАХ КОНЦА 70-х — 80-х годов 127—168

1. Разработка Ф. Энгельсом методологических проблем антропогенеза и первобытной истории 127
Значение работы «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» в развитии марксизма (127).— Стадии антропогенеза (129).— Становление труда как специфически человеческого способа жизнедеятельности и ступени социогенеза (129).— Экологическая проблематика в работе Энгельса (133).
2. Труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» 135
Гипотеза Л. Моргана и концепция Ф. Энгельса (136).— Развитие первобытного общества и переход от него к классово-антагонистическому обществу (138).— Диалектика брачно-семейных и социально-классовых отношений. Генезис частной собственности (140).— Диалектика становления государства (142).
3. Работа Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» 147
Основной вопрос философии и ее предмет (148).— Методологические вопросы истории философии (151).— Отношение марксизма к философским традициям (154).— Критика идеализма в понимании истории (156).
4. Этнические и эстетические воззрения К. Маркса и Ф. Энгельса 158
Учение Маркса и Энгельса о морали (159).— Эстетические взгляды Маркса и Энгельса (163).

Глава пятнадцатая

РАЗВИТИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОПОРТУНИЗМА И ВУЛЬГАРНОГО СОЦИОЛОГИЗМА	169—191
1. Критика Ф. Энгельсом идейно-теоретических основ оппортунизма в международном рабочем движении	169
2. Письма Ф. Энгельса 90-х годов об историческом материализме. Создание серии писем о диалектике исторического процесса (177).— Энгельс о диалектике базиса и надстройки (183).	177

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ.
ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ВО II ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

Глава шестнадцатая.

ФИЛОСОФЫ-МАРКСИСТЫ КОНЦА XIX В. В СТРАНАХ ЕВРОПЫ	192—279
1. Иосиф Дицген	197
Дицген — рабочий-философ (198).— Проблема «материальности сознания» (201).— Вопросы теории познания (204).— Роль Дицгена в развитии марксистской философии (207).	
2. Карл Каутский	208
Домарксистский период деятельности Каутского (209).— Переход на позиции марксизма. Пропаганда и защита марксистского учения (210).— Участие Каутского в разработке Эрфуртской программы (212).— Проблема революции (215).— Разработка аграрного вопроса (215).— Poleмика с Бернштейном (216).	
3. Франц Меринг	220
Идейная эволюция Меринга (220).— Борьба против вульгаризации исторического материализма (222).— Борьба за чистоту марксистской философии. Диалектика как метод познания и преобразования действительности (229).— Историко-философские работы, сочинения по истории рабочего движения и марксизма (233).	
4. Поль Лафарг	239
Материалистическая диалектика против идеализма (241).— Проблемы материалистического понимания истории (247).	
5. Антонио Лабриола	253
Путь Лабриолы к марксизму (254).— Переписка с Энгельсом. Формирование марксистских взглядов Лабриолы (257).— Исторический материализм и научный коммунизм (259).— Исторический материализм как общая теория истории и метод исследования (262).— Философские основы марксизма. Ответ Лабриолы ревизионистам (264).	
6. Димитр Благоев	268

Глава семнадцатая.

ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ XIX В.	280—337
1. К. Маркс, Ф. Энгельс и философская мысль в России 40-х — начала 80-х годов	280

- Марксизм и идейно-философские основы русского революционного движения 40—60-х годов (282).— Революционное народничество и марксизм (287).— Русская домарксистская социология и теория исторического материализма (292).— Отношение русских мыслителей к диалектике Маркса (297).— Письмо К. Маркса к В. И. Засулич. Наброски ответа на письмо Засулич (300).— Проблема некапиталистического пути развития общины (306).
2. Г. В. Плеханов и его философские труды в период 1883—1895 гг. 309
- Начало революционной деятельности Плеханова. Переход к марксизму (311).— Марксизм как теоретическая основа решения коренных социальных проблем России (314).— Плеханов как историк философии и общественной мысли (323).— Проблемы исторического материализма и материалистической диалектики (330).— Историческое значение первого периода марксистской деятельности Плеханова (333).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В XIX В., БУРЖУАЗНАЯ МАРКСОЛОГИЯ И РЕВИЗИОНИЗМ

1. Идеологическая борьба вокруг марксистского философского наследия 340
- Этапы идеологической борьбы (341)
2. Актуальные вопросы современной борьбы по проблемам истории марксистской философии в XIX в. 344
- Фальсификация буржуазными марксологами и ревизионистами проблем генезиса марксистской философии (346).— Идейная эволюция Маркса в трактовке буржуазных и ревизионистских марксологов (350).— Критика «марксологических» извращений философских взглядов Ф. Энгельса (354).— Критика «марксологических» искажений материалистического понимания истории (358).— Критика «марксологических» искажений теории социалистической революции (361).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 368

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ (1965—1978 гг.) НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР 373